

## Глобальная современность и старообрядчество: амбивалентность взаимодействия

Ольга К. Шиманская

*Институт Европы Российской академии наук,  
Москва, Россия, shimansk@mail.ru*

*Аннотация.* Глобализация – основная тенденция и реальность современных социальных процессов, ей противоположна традиция национальная, культурная, религиозная. Глобализация и традиционализм имеют нелинейные векторы и амбивалентные модели взаимодействия, а образцом выступает история и современное состояние старообрядчества. Трагические события раскола русской церкви поставили старообрядцев вне закона, вызвали их бегство на окраины государства и за его пределы. Оно приобрело характер миграционных потоков, оформило транснациональную этноконфессиональную русскую религиозную диаспору старообрядцев в разных частях света. Современное старообрядчество находится в поиске самоопределения в современности, отвечая на глобальные вызовы в полярных вариантах: миграция / архаизация, глокальность / предпринимательство, грамотность / крепость в вере, практицизм и активность / ориентация на духовные запросы. Старообрядчество приспособило глобализирующуюся современность к своим представлениям. Если большую часть своей истории старообрядчество воспринималось как явление контркультурное, маргинальное для доминирующей культуры, будь она православная или советская, то сейчас оно оформляется в заметную религиозную, традиционалистскую субкультуру, обладающую высоким адаптационным потенциалом в условиях глобализации.

*Ключевые слова:* Аввакум, адаптация, глобализация, диаспора, миграция, раскол, современность, старообрядчество, субкультура, традиция религиозная

*Для цитирования:* Шиманская О.К. Глобальная современность и старообрядчество: амбивалентность взаимодействия // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии.* 2021. № 3. С. 40–58. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-3-40-58

## Global modernity and Old Believers. Ambivalence of interaction

Olga K. Shimanskaya

*Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia, shimansk@mail.ru*

*Abstract.* Globalization is the main trend and reality of the modern world social processes, which is opposed by a national and cultural, but above all, religious tradition. Globalization and traditionalism have nonlinear vectors and ambivalent models of interaction, which is most vividly traced in the study of the history and a current state of the Old Believers in Russia and abroad. The tragic events of the split of the Russian Church put the Old Believers outside the law, caused them to flee to the borderlands of the state and beyond. The flight took the character of migration flows, shaped the transnational ethno-confessional Russian religious diaspora of Old Believers in different parts of the world. The modern Old Believers are in a difficult search for self-determination in modern times answering global challenges in very polar variations: migration/archaization, glocality/entrepreneurship, literacy/strength in faith, practicality and activity/orientation to spiritual needs. In general, the Old Believers have adapted the globalizing modernity in accordance with their ideas. If for most of their history the Old Believers were perceived as a countercultural phenomenon, marginal to the dominant culture, be it Orthodox or Soviet, now the Old Believers are taking shape of a rather noticeable religious traditionalist subculture with a high adaptive potential in the context of globalization.

*Keywords:* Schism, protopope (archpriest) Avvakum, adaptation, globalization, diaspora, migration, Schism (Raskol), modernity, Old Believers, subculture, religious tradition

*For citation:* Shimanskaya, O.K. (2021), "Global modernity and Old Believers. Ambivalence of interaction", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 3, pp. 40–58, DOI: 10.28995/2658-4158-2021-3-40-58

### *Введение*

Глобализация – объективный процесс, с эпохи Великих географических открытий создавший планетарную общность людей, государств, межкультурный и межрелигиозный диалог в динамике от конфликта до взаимообогащения. Глобализация неоднозначна в оценках, а 2020-й год добавил им темных тонов, продемонстрировав стремительность ее темпов и всеохватность, связанную с распространением коронавирусной пандемии. Удар

пандемии COVID-19 и ее первые социальные следствия заместитель директора Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Р.Н. Лункин назвал «коронавирусной реформацией», написав: «Произошла новая реформация. Церковная жизнь радикально меняется на глазах и, как говорится, никогда уже не будет прежней. Возможно, это та часть жизни человечества, которую события вокруг коронавируса изменят больше всего»<sup>1</sup>. Глобализация радикально вторглась в жизнь религиозных организаций и верующих во всем мире, силой и мощью государственных установлений впервые в истории заставила эти традиционные структуры социума вместе с их приверженцами изменить цикл богослужебных практик, обрядов и норм жизни. Защищая жизнь и здоровье населения, глобализация манифестировала секулярный характер, причем вне зависимости от уровня воцерковленности населения и моделей государственно-конфессиональных отношений.

Коронавирусная пандемия совпала со знаковым для отечественной культуры и всех направлений старообрядчества юбилеем – 400-летием идеолога старой веры, священномученика и исповедника протопопа Аввакума Петрова (1620–1682), минимизировав юбилейные торжества. Как известно, старообрядчество – это последовательный религиозный традиционализм в православии, сохранивший культуру позднего русского средневековья как систему. Оно следует традиции в вероучении, культовой практике, образе жизни. Однако культура позднего русского средневековья существовала в разнообразии региональных вариантов, унификации которых положила начало реформа патриарха Никона во второй половине XVII в. Сегодня старообрядчество – это палитра направлений и согласий со своими богословскими, обрядовыми различиями и региональными особенностями. Основная аргументация противников церковной реформы изложена протопопом Аввакумом в обличительных письмах царю, посланиях и «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном», она легла в основу вероучительных взглядов и практик всех направлений староверия в прошлом и настоящем. Более чем трехсотлетние гонения староверов оформили догматические расхождения с новообрядной церковью, эсхатологизм.

За три столетия развития и адаптации в условиях преследования властей сложились два направления старообрядчества: поповщина и беспоповщина, в многообразии согласий и толков.

---

<sup>1</sup> Лункин Р. Коронавирусная реформация [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2020. 14 апр. URL: [https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/facts/2020-04-14/12\\_485\\_reformation.html](https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/facts/2020-04-14/12_485_reformation.html) (дата обращения 22.12.2020).

Внешние условия и внутренние установки привели старообрядческие общины к консолидации и противостоянию внешнему миру, подвергающему их гонениям, вынуждающему к миграциям внутри России и за ее пределы. Перемещения староверов на окраины русского государства, в Сибирь и все дальше на восток, а также за его пределы, в Речь Посполитую и Османскую империю, начались после осуждения их церковным Собором 1666/67 гг. Поэтому история старообрядчества парадоксально и амбивалентно связана с глобализацией. Проклиная ее, они одновременно выступают проводниками глобализации, осваивая все новые пространства северо-востока Евразийского континента. Сопrotивляясь глобализации, старообрядцы создают самобытные, ориентированные на архаику хозяйственные и культурные «глокальные миры», которые могут быть не связаны в конкретное время с местным населением, но не теряют связь с подобными себе «мирами», разбросанными сейчас по всему свету. Тем самым старообрядцы создали самую древнюю и хорошо связанную внутри себя русскую религиозную диаспору за рубежом, истоком и актуальной родиной которой остается Россия. Старообрядцы в России и за рубежом отвечают в соответствии с вероучительной традицией на вызовы времени, в том числе и на пандемию в юбилейном 2020 г. Ответы поляризованы от отрицания до принятия строгих карантинных мер в государствах, гражданами которых они являются, что показывает их адаптивность и оформление современного старообрядчества в субкультурный религиозный анклав среди современных религий.

### *Обзор литературы*

Богатейшая историография старообрядчества сама по себе может составить многотомное исследование. Последняя попытка сбора и классификации исследователей старообрядчества предпринята киевским ученым С.В. Таранцом в 2018 г. изданием первого тома энциклопедического и библиографического словаря. Досадно, что издание, в которое вошли 100 биографий исследователей истории и культуры старообрядчества и в котором представлены ведущие направления междисциплинарной деятельности ученых разных стран, выпущено всего в 100 экземплярах<sup>2</sup>. В статье мы

---

<sup>2</sup> Старообрядоведение: Энциклопедический и биобиблиографический словарь. Исследователи истории и культуры старообрядчества второй половины XX – начала XXI в.: к XVI Международному съезду славистов в г. Белграде: В 3 т. / Науч. ред. и сост. С.В. Таранец. Киев, 2018. Т. 1. 604 с.

касаемся только немногих штрихов «социального лица» современного старообрядчества и научной литературы по этому вопросу, не претендуя на всесторонний обзор. В изучении феномена современного старообрядчества в России и постсоветских странах необходимо отметить экспедиционную и издательскую деятельность Межкафедральной археографической лаборатории МГУ имени М.В. Ломоносова. Ее сотрудники несколько десятилетий изучают жизнь старообрядческих общин в Прикамье, Костромской области, Приморском крае, Республике Молдова и публикуют под редакцией И.В. Поздеевой и Н.В. Литвиной материалы в серии «Мир старообрядчества»<sup>3</sup>, сборники научных трудов «Современное старообрядчество Молдавии: книжность, традиции, хозяйство»<sup>4</sup>, «Книжность и старообрядчество Костромского края и сопредельных территорий»<sup>5</sup>. В отечественной научной литературе нет монографических исследований, посвященных социологическому анализу современного старообрядчества в России и за рубежом, хотя есть ряд региональных исследований Е.С. Данилко [Данилко 2000, с. 259–265], А.М. Касаткиной [Касаткина 2004, с. 45–47], М.В. Кочергиной [Кочергина 2017, с. 14–20], О.Г. Ровновой [Ровнова 2019, с. 219–226] и др. Н.С. Душакова [Душакова 2020, с. 184–206] и Д.С. Ермолин [Ермолин 2020, с.130–140] исследовали присутствие старообрядчества в средствах массовой коммуникации: сети Интернет, социальных сетях.

Масштабные труды зарубежных ученых сосредоточены на истории старообрядчества. Его современному состоянию посвящены статьи авторитетного украинского историка А.А. Пригарина<sup>6</sup>, болгарского антрополога Е. Анастасовой [Анастасова 2007, с. 41–53], литовских исследователей – историка Г. Потащенко<sup>7</sup> и филолога

<sup>3</sup> Мир старообрядчества. Вып. 1–10. М., 1994–2019.

<sup>4</sup> Современное старообрядчество Молдавии: книжность, традиции, хозяйство / Сост. Н.В. Литвина. М., 2016. 308 с.

<sup>5</sup> Книжность и старообрядчество Костромского края и сопредельных территорий / Под ред. Н.В. Литвиной, Ю.С. Белянкина. Т. 1–2. М., 2018.

<sup>6</sup> Пригарин А.А. Старообрядчество в Румынии: краткий очерк истории и характеристика современного положения [Электронный ресурс] // Культурно-паломнический центр имени протопопы Аввакума. URL: <https://protopop-avvakum.ru/staroobryadchestvo-v-rumynii-kratkij-ocherk-istorii-i-xarakteristika-sovremennogo-polozheniya> (дата обращения 20.10.2020).

<sup>7</sup> Потащенко Г. Староверие в странах Балтии и Польше: вехи непростой истории [Электронный ресурс]. URL: <https://protopopavvakum.ru/staroverie-v-stranax-baltii-i-polshe-vexi-neprosto-istorii/> (дата обращения 20.10.2020).

Н. Морозовой<sup>8</sup>. Исключение – монография российско-германского лингвиста Е.В. Людке «Язык соборных постановлений старообрядцев (на примере понятия “собор”)» [Lüdke 2016]. Автор на основе анализа языка соборных документов старообрядцев разных согласий, привлекая исторический и культурологический материал, делает выводы о динамике изменений, происходящих в старообрядчестве, их направленности и социокультурном самоопределении старообрядцев в глобализирующейся современности.

### *Материалы и методы*

Цель статьи – предложить обоснование многовариантности взаимодействия и взаимовлияния старообрядчества и глобализации, адаптивности старообрядческой традиции к запросам ее актуального этапа с тотальным запретом на публичную культурную деятельность в условиях пандемии COVID-19, всепроникающей массовой культурой, массовой коммуникацией и цифровизацией разных сторон жизни людей.

При написании данной статьи автор использовал в качестве методологического инструментария современное понимание теории секуляризации/постсекулярности, получившей развитие в работах Питера Бергера, Хосе Казановы, Ю.Ю. Синелиной, М.Ю. Смирнова и др. Основными методами при написании статьи были компаративный, системный и структурно-функциональный методы. Использовался контент-анализ старообрядческих информационных ресурсов, интервью со старообрядцами во время экспедиций.

### *Результаты исследования*

Установка на сохранение традиции парадоксальным образом сделала старообрядцев активными участниками процессов внутренней колонизации российских пространств в XVII–XIX вв. и мировых миграций, в которых они приняли такое же участие, как и многие другие религиозные диссиденты Европы. В результате транснациональных миграций ревнителей «древлего благочестия» была создана устойчивая и структурированная русская религиозная диаспора во многих странах, что свидетельствует

---

<sup>8</sup> Морозова Н. Рижская Гребенчиковская старообрядческая община [Электронный ресурс]. URL: <https://protopopavvakum.ru/staroverie-v-stranax-baltii-i-polshe-vexi-neprosto-istorii/> (дата обращения 20.10.2020).

об «интенсивной миграционной подвижности этой группы преимущественно русского народа», – отмечает этнограф и историк Ю.В. Аргудяева [Аргудяева 2018, с. 137].

Старообрядческая миграция началась после раскола середины XVII в. и наложенных на последователей древнего благочестия «клятв», вынудивших их укрываться в труднодоступных для государственного контроля местах в России: в Карелии, лесном Заволжье, на Урале, в Сибири, бежать в пределы Речи Посполитой и Турции. Революция 1917 г. вызвала две волны старообрядческой эмиграции: послереволюционную и периода коллективизации. Первоначально из страны выехали представители торгово-промышленной буржуазии, известные меценаты (Рябушинские, Сироткины, С.Н. Третьяков и др.). В 1920–1930-е гг. старообрядцы уходили от коллективизации и насильственной секуляризации в Маньчжурию и северный Китай, а оттуда, после победы Мао Цзедунa в 1949 г., при помощи ООН разными путями перебирались в Аргентину, Бразилию, США и Австралию. На сегодняшний день крупные поселения русских староверов в дальнем зарубежье находятся в Румынии, Болгарии, Аргентине, Бразилии, Боливии, Уругвае, Австралии, в ближнем зарубежье – в странах Балтии, Беларуси, Молдове, Казахстане, на Украине.

Старообрядчество и современность, старообрядчество и глобализация имеют сложные векторы взаимодействия, охватывая многообразие смыслов и вариативность практик в общинах разных согласий в разных странах. Более трехсот лет старообрядчество оставалось маргинальным направлением православного христианства, отстаивавшим право на самобытность путем бегства и несения бремени дополнительных прямых и косвенных государственных налогов. Давление со стороны власти рождало и сопротивление, и соглашение, приведшее к возникновению в 1800 г. единого церковного регламента. Советский период истории нанес удар по старообрядчеству не столько официальным атеизмом, сколько разрушением традиционного крестьянского уклада жизни. Перебираясь в город, крестьяне-старообрядцы быстрее теряли религиозную идентичность, не передавали ее своим потомкам, обучающимся в массовой советской школе.

Возрождение интереса к религии с конца 80-х гг. XX в. активизирует деятельность старообрядческих общин. Первый вопрос, который обычно задают исследователю: какова численность данного направления? Ответ требует разъяснений. В старообрядчестве, как и в православии, нет количественного учета прихожан. Государство, основанное на светской конституционной модели, не располагает такими данными. Министерство юстиции регистрирует наиболее крупные старообрядческие религиозные организации,

но необходимо помнить, что старообрядцы исторически уклонялись от всех видов и форм государственного контроля, и реестр не даст на этот счет точной информации. По мнению одного из представителей московской Рогожской старообрядческой общины И.М. Любимова, численность современных старообрядцев – от 150 до 225 тысяч человек [Любимов 1996, с. 2]. Согласно исследованиям социолога Ю.Ю. Синелиной, к старообрядчеству себя относят около 5% россиян [Синелина 2012, с. 78], в цифрах это около 7 млн человек, по крайней мере помнящих о своей связи с миром старообрядческой культуры. Но эти оптимистичные данные также не свидетельствуют о реальном количестве последователей старообрядчества в нашей стране и за рубежом. В любом случае, это значительное количество людей, связанное со старообрядческой культурной и религиозной традицией.

Возрождение интереса к старообрядчеству в последнее время вышло за пределы научного сообщества. Все более заметным старообрядчество становится в публично-правовой сфере. Начало положено помощью московского правительства в восстановлении комплекса Рогожской старообрядческой слободы в Москве, строительством паломнического комплекса на месте гибели протопопа Аввакума в Пустозерске, установкой памятников меценатам Николае Бугрову и Дмитрию Сироткину в Нижнем Новгороде, выходом на широкий экран фильма Н. Достала «Раскол» [Шиманская 2019, с. 715–731]. 17 марта 2017 г. состоялась встреча предстоятеля Русской Православной Старообрядческой Церкви (РПСЦ) митрополита Корнилия (Титова) с президентом России В.В. Путиным. «Думаю, что наша сегодняшняя встреча имеет поистине историческое значение – глава государства впервые за последние 350 лет официально принимает предстоятеля православной старообрядческой церкви»<sup>9</sup>, – сказал митрополит Корнилий на встрече. 31 мая 2017 г. состоялся ответный визит президента в Рогожский духовный старообрядческий центр. В.В. Путин стал первым главой российского государства, который его посетил<sup>10</sup>. Он обещал содействие переселению зарубежных старообрядцев на родину, поддержку президентскими грантами празднования юбилея протопопа Аввакума.

Зарубежные старообрядцы связаны не только с одноверцами по всему миру, но и с большой Родиной – Россией. Их отно-

---

<sup>9</sup> Глава старообрядцев поблагодарил Путина за встречу 17.03.2017 [Электронный ресурс] // РИА. Новости. URL: <https://ria.ru/20170317/1490225113.html> (дата обращения 20.12.2020).

<sup>10</sup> Путин посетил старообрядческий Рогожский духовный центр в Москве 31.05.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4297324> (дата обращения 20.12.2020).



шение к «русскому миру» не только историческая проекция, но и актуальная родина по культуре, вероучению, языку. Принимая во внимание разнообразие согласий, нельзя недооценивать и тягу старообрядцев к консолидации, что, в частности, продемонстрировал «Всемирный старообрядческий форум», состоявшийся в Москве 1–2 октября 2018 г. Он стал масштабной встречей старообрядческих клириков, общественных деятелей, ученых и предпринимателей. В форуме участвовали представители РПСЦ, РДЦ, ДПЦ, часовенных, федосеевцев, спасовцев. Были представлены старообрядческие религиозные и общественные организации России, Украины, Беларуси, стран Балтии, Молдовы, Румынии и др. Присутствовали представители общин староверов из Южной Америки. Организатором форума выступил Культурно-паломнический центр имени протопопа Аввакума (М.Б. Пашинин – председатель московского Культурно-паломнического центра им. протопопа Аввакума, поморское согласие; профессор доктор философских наук, а также старообрядец-федосеевец, ответственный секретарь совета православных церковных приходов Преображенского монастыря М.О. Шахов), средства на проведение мероприятия были выделены Фондом президентских грантов и благотворительным фондом «Правда Русская». Форум приветствовали предстоятель РПСЦ митрополит Корнилий (Титов), председатель Российского Совета Древлеправославной Поморской Церкви о. Владимир Викторович Шамарин и предстоятель РДЦ патриарх Александр (Калинин). Были получены приветствия от Администрации президента России и правительства.

Доклады освещали разные стороны современного состояния старообрядческих общин. Часть выступлений касалась работы со старообрядческой молодежью, старообрядческого предпринимательства и переселения староверов из-за рубежа. Иерей Михаил Родин (РПСЦ, г. Балаково Саратовской обл.) в сообщении «О древлеправославном мировоззрении сквозь призму иностранной миссии РПСЦ» отметил, что многие старообрядческие священники склонны к оборонному мировоззрению, дистанцируются от светских мероприятий, выступлений в СМИ. Эта позиция вредна для миссионерства в стране и за пределами России. Отец Михаил подчеркнул важность сохранения самобытности, народной культуры иностранными братьями по вере и важность баланса между сохранением своих традиций и уважением традиций других народов [Родин 2018, с. 189–193].

Диалог между староверами был нацелен на укрепление сотрудничества в общественной жизни, сохранение культурного наследия, поддержку трудовой этики и семейных ценностей. Признание России исторической родиной, использование русского языка

в семье и церкви, общность культурных и бытовых традиций объединяет староверов всех стран и согласий. Проживая на территории разных государств, староверы являются законопослушными гражданами, толерантными к иным вероисповеданиям. Старообрядческие диаспоры за пределами России содействуют межкультурному и межгосударственному диалогу. Участники форума призвали к развитию сотрудничества между старообрядческими религиозными организациями России и других стран, взаимопомощи в сохранении памятников истории и культуры, социальном служении. 400-летие протопопа Аввакума в 2020 г. готовилось усилиями староверов всего мира, предполагалось проведение Всемирного старообрядческого форума, которое было перенесено из-за пандемии COVID-19 и состоялось только в мае 2021 г. в очно-заочном формате.

Рост интереса к старообрядчеству, по мнению К.М. Товбина, – это реконструкция или деконструкция, реанимация прошлого. Эту мысль исследователь развил в серии статей, приведем лишь один пример: «Плоскостный, двухмерный рисунок, получающийся при коллажировании внешних элементов Традиции, оказывается лучшей вакциной от Традиции, чем прямая с ней борьба. Одним из лучших примеров этой трансформированной ресекуляризации и является современная история старообрядчества. Трудно и неправомерно обсуждать, насколько адекватен современный старообрядческий традиционализм, – это вопрос духовный, сущностно закрытый от философского анализа. Но грандиозная феноменологическая трансформация современного старообрядчества налично. И это позволяет нам делать достаточно драматические выводы о возможностях Мирского в современном отношении к Священному, о роли и силе постмодернистской ментальной секуляризации в форме пострелигии – плоскостной имитации Традиции» [Товбин 2014, с. 56]. Через некоторое время при подготовке антологии старообрядческой мысли К.М. Товбин меняет свои взгляды – возможно, потому, что вступает в творческий альянс с известными деятелями старообрядчества, исследователями К.Я. Кожуриным (поморское согласие) и Р.Ю. Аториным (РПСЦ). Он пишет, что возможно существование единственно правильной старообрядческой традиции, что и позволит актуализировать обращение к творчеству первых идеологов и учителей старой веры, а также их последователей [Товбин, Аторин, Кожурин 2018, с. 9–31].

Многие ученые, последователи немецкого социолога Макса Вебера, указывают на схожесть социальных проявлений старообрядчества и протестантизма, их последовательное возникновение в эпоху Нового времени при переходе от общества традиционного к современному и динамичное развитие в XVII–XIX вв.

Так, А.Г. Глинчикова [Глинчикова 2008] обосновывает тезис о том, что раскол и вышедшее из его недр старообрядчество – незавершенный проект русского модерна. Старообрядчество при доминировании традиционалистских ценностных установок в России после окончания Смуты 1598–1613 гг. в консервативной форме выступало проводником современности с идеями индивидуализма, политических свобод, активности и предпринимательства. В самом деле, параллели с западными реформационными движениями значительны:

1. Высокий авторитет Священного Писания и обращение к корпусу текстов. У старообрядцев традиционный набор текстов значительно шире и включает не только Священное Писание, но и Священное Предание, вместе с патристикой, постановлениями Соборов и иными текстами. Писание толковалось для прояснения смысла современных событий, что приводило к конфликту мнений и выступало причиной расколов и дробления общин. Одновременно это отражало интенсивность духовной жизни староверов, реакцию на происходящие политические события, взгляды и социальные чаяния. Введение в научный оборот новых источников позволяет «объективно оценить удивительную способность этого религиозно-общественного движения адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, сохранять привлекательность пропагандируемых идей не только для адептов, но и для новых членов», полагает сибирский исследователь Н.С. Гурьянова [Гурьянова 2019, с. 62].

2. Старообрядчество, как и западные реформационные течения, характеризуется внутренней конфликтностью, базирующейся на свободе мнения в понимании священных текстов, а следовательно, и разветвленностью религиозных групп, по-разному трактующих Писание и допустимые способы взаимодействия с внешним миром.

3. Приватизация веры, идеи «мирского призвания», личной ответственности перед Богом, служение общине и обществу, активная экономическая деятельность и благотворительность. «Русский религиозный раскол был попыткой индивидуализации веры, и если в чем-то он похож на европейскую Реформацию, то именно в этом стремлении перейти от веры как внешнего морального регулятора к вере как совокупности внутренних стимулов для моральной жизни – всему тому, что ложится в основу современной политической культуры. И неслучайно именно старообрядцы стали основой русского промышленного класса последующих трех столетий», – утверждает А.Г. Глинчикова [Глинчикова, Синеокая, Степанянц 2017, с. 139].

4. Выборность священства или его отсутствие, активная роль мирян в общинах. Появление священнических иерархий: Белокри-

ницкой в 1846 г. (РПСЦ) и Новозыбковской в 1923 г. (РДЦ) – не уменьшили роли мирян в приходах, в советский период священнослужители выдвигались приходом из наиболее грамотных и авторитетных мирян. В беспоповских течениях богослужение проводится мирянами: уставщиками, головщиками, наставниками.

5. Значительная роль женщин, которые могут вести богослужение и возглавлять общины, что отличает многие беспоповские общины.

6. Консервативность некоторых общин в стиле жизни, во внутренних и внешних проявлениях конфессиональной принадлежности. Это часто касается общин, проживающих в сельской местности в условиях изолированности от интенсивных контактов с внешним миром (например, Усть-Цильма), эмигрировавших начиная с XVII в. в другие страны (например, общины старообрядцев-поповцев в Молдове, Румынии, Болгарии, часовенные в Латинской Америке), что позволяет им противостоять ассимиляции религиозной, культурной, языковой. В данном случае религиозность позволяет сохранить русскость, а утрата религиозного компонента приводит и к размыванию этнического лица. Со временем такие группы верующих приобретают черты этноконфессиональных общностей.

7. Старообрядчество оказалось подготовленным к глобализации и выступило активным ее проводником. Отдельные свойства и практики староверов оказались востребованными и соответствующими актуальным практикам глобализации. Среди них использование и развитие передовых для своего времени экономических форм хозяйствования, накопление капитала и формирование общероссийского национального рынка, его взаимодействие с мировым рынком. Хотя, как убедительно доказывает Д.Е. Расков, «благодаря капиталам купцов общинам удастся в прямом смысле выжить, перенести преследования. Фигура купца зачастую находится в центре не только материальной и организационной, но и духовной жизни общин. Однако все равно на определенном этапе возникает необходимость выбора между светской экономикой и религией, между Богом и мамонной, а компромисс в таких вопросах оборачивается, с одной стороны, “оскудением веры”, с другой – потерями в эффективности. Поэтому одни лишь формально сохраняют приверженность староверию, причем более молодое поколение переходит в единоверие и официальное православие; другие – отказываются от выгодных предприятий, сохраняя традиционный и размеренный уклад жизни, частью которого является предпринимательская деятельность. Оба процесса вместе приводят к ослаблению старообрядческого предпринимательства» [Расков 2014, с.115–133].

По мнению А.А. Пригарина [Пригарин 2018, с. 131–135], можно говорить о трех вариантах взаимодействия старообрядчества и глобализации:

1. «Уход от мира» выражается в стремлении к бегству от процессов стандартизации и технократизации. Скитничество и отшельничество сегментируют стратегию жизни на уровне отдельных персон, сообществ в виде монастырских общин. Такая модель невозможна без поддержки со стороны внешнего мира. Происходит символическая манифестационная аскеза, которая полностью базируется на внешнем грешном мире.

2. «Пакетное сосуществование» означает жизнь в глобализации, не противясь ей, но и не поддерживая ее. Несмотря на формальное осуждение проявлений антихриста, бытовая повседневность втягивает староверов в технические и технологические новшества. Инновации очень часто ставятся на службу и конкретных личностей, и общин. К таким новшествам относятся создание и функционирование многочисленных сайтов и групп в социальных сетях.

3. «Выход из староверия» проявляется в том, что человек и иногда целые сообщества отказываются от традиционализма и включаются в современное «обмирщение». Потомки старообрядцев сохраняют память о своем происхождении, часто помогают старообрядческим общинам и начинаниям. Развоцерковление связано и с личным выбором человека, и с соответствующими общественными стандартами.

## *Выводы*

Конечно, это самая общая схема вариантов взаимодействия личного и общинного традиционализма и глобализации. Исследования антропологов городского старообрядчества и многолетние наблюдения автора за жизнью старообрядческих общин свидетельствуют об их бикультурности в современном городе и обществе. Опыт раскола и советской атеизации научил старообрядцев скрывать свою конфессиональную принадлежность, создал условия для внерелигиозных производственных и личных отношений. Старообрядцы активно пользуются плодами цивилизации, начиная с автомобилей и современного оборудования жилищ и заканчивая цифровыми технологиями. Они могут проклинать пластиковые банковские карты и штрих-коды товаров, но при этом иметь все это в ежедневном обиходе. Активно развиваются старообрядческие электронные средства массовой информации, создаются открытые и закрытые старообрядческие группы в социальных сетях.

Пандемия COVID-19 интенсифицировала использование цифровизации не только в межличностном общении старообрядцев, но и при обращении к духовным пастырям. Изоляция и социальное дистанцирование заставило многих неформально подходящих к своей пастырской работе клириков общаться с духовными чадами, используя мессенджеры «ВКонтакте», «Вайбер» и др., поскольку духовные чада находятся в разных городах и даже странах и нуждаются в утешении, укреплении веры, просто в человеческом общении. Запретительные меры в отношении публичных богослужений в некоторых странах, например в Румынии, вызвали к жизни у старообрядцев онлайн-трансляции богослужений. То есть бытовая техника, компьютер «утратили свое апокалипсическое значение и заняли место в жизненной обыденности» [Куличкова 2010, с. 118–119]. Сложившаяся в результате городской эмансипации, наступления процессов глобализации и цифровизации бикультурность не предполагает полной открытости, она скрывает небесконфликтное сочетание всепроникающей массовой культуры с ее абсолютной свободой и конфессиональной замкнутости. В этой ситуации старообрядцам сложно сохранить обрядовую строгость, их семейно-брачные отношения сегодня не всегда определяются религиозными предпочтениями, работа не всегда позволяет придерживаться всех религиозных запретов и правил.

Эти явления в жизни современных старообрядцев обращают нас к работе Питера Бергера «Десекуляризация мира. Возрождающаяся религия и мировая политика» [Berger 1999]. В ней ученый пишет, что модернизация и глобализация имеют разный в зависимости от страны секулярный эффект. Секуляризация в публичном пространстве не обязательно связана с секуляризацией индивидуального религиозного сознания. Религиозные институты могут терять власть и влияние в обществе, но религиозные верования и практики существуют в жизни людей, приводя к усилению религиозного рвения и контрсекуляризации. Религиозные люди могут руководствоваться эсхатологией и считать современность врагом, в то же время многие будут считать современность неизбежной и призывать к адаптации. Стратегии неприятия и адаптации соответствуют секуляризации и глобализации, предполагают две модели будущего для религий и религиозных организаций: «религиозную революцию» и создание религиозных субкультур. Но в демократическом обществе невозможно навязать религиозную монополию. Другой путь противостояния современным идеям и ценностям – это создание религиозных субкультур, минимизирующих влияние внешнего мира на своих членов. Однако современная культура с ее технологиями всепроникающа, и отрицание соглашения с современностью, возможное как индивидуальный выбор,

бесперспективно в качестве общественной тенденции. Так, известный социолог религии М.Ю. Смирнов пишет, что формат присутствия религиозного фактора всегда был и остается подвижным, определяется обстоятельствами времени, места и действия религиозных индивидов и групп, при этом «конкретные модусы религии преходящи, но умонастроения и психоэмоциональные состояния, инспирированные мистическим настроением, константны» [Смирнов 2020, с. 178]. То есть наличие религиозных настроений в их традиционалистских видах всегда найдет приемлемый для себя вариант существования, соотносящий строгость Писания и религиозной практики с запросами современности и существованием современного верующего человека, в том числе и старообрядца.

С подобными вызовами старообрядцам доводилось сталкиваться и прежде, однако более чем за три столетия старообрядчество сохранило свою сущность – непоколебимую веру в собственную религиозную силу, научившись приспосабливаться к ритмам современного города, современного мира с глобализацией, цифровизацией и нашествием пандемии COVID-19.

Современное старообрядчество, соотнося традицию с современностью, эволюционировало от маргинальной религиозной этноконфессиональной групповой среды к развитой религиозной субкультуре, находящейся в состоянии продуктивного диалога с современностью.

### *Литература*

---

- Анастасова 2007 – Анастасова Е. Старообрядцы в Румынии и глобализация // Славяноведение. 2007. № 1. С. 41–53.
- Аргудяева 2018 – Аргудяева Ю.В. Приморские старообрядцы: эмиграция в Китай и Южную Америку и реэмиграция в Приморье // Всемирный старообрядческий форум: Материалы международной конференции, Москва, 1–2 октября 2018 г. М.: КПЦ им. прот. Аввакума, 2018. С. 8–12.
- Глинчикова, Синеокая, Степанянц 2017 – Глинчикова А.Г., Синеокая Ю.В., Степанянц М.Т. Архаизация: поворот вспять или мобилизация к будущему? // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 133–152.
- Глинчикова 2008 – Глинчикова А.Г. Раскол или срыв «русской Реформации». М., 2008. 384 с.
- Гурьянова 2019 – Гурьянова Н.С. О некоторых итогах и перспективах в изучении старообрядчества // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 58–63.
- Данилко 2000 – Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: современное состояние и перспективы развития // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы научной конференции / Ред.-сост. В.И. Осипов, Е.И. Соколова. М., 2000. С. 259–265.



- Душакова 2020 – *Душакова Н.С.* Как религия становится более заметной в публичном пространстве: старообрядческие сообщества в социальных сетях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 184–206.
- Ермолин 2020 – *Ермолин Д.С.* Старообрядчество online: мосты, границы и информационные потоки // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 130–140.
- Касаткина 2004 – *Касаткина А.М.* Современное старообрядчество в Санкт-Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2004. № 1–2. С. 45–47.
- Кочергина 2017 – *Кочергина М.В.* Старообрядческие общины пограничных территорий России, Украины и Беларуси: история и современность [Электронный ресурс] // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 2 (42). URL: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_29821326\\_93405129.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_29821326_93405129.pdf) (дата обращения 24.12.2020).
- Куличкова 2010 – *Куличкова Е.А.* Изменчивость традиций современного старообрядчества уральского города // Зыряновские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган: КГУ, 2010. С. 118–119.
- Любимов 1996 – *Любимов И.М.* Современное старообрядчество (движение по вертикали и по горизонтали) // Старообрядчество: История, культура современность. М., 1996. С. 2–6.
- Пригарин 2018 – *Пригарин А.А.* Старообрядчество и глобализация: вариативность моделей взаимодействия // Всемирный старообрядческий форум: Материалы межд. конф., Москва, 1–2 октября 2018 г. М.: КПЦ им. прот. Аввакума, 2018. С. 131–135.
- Ровнова 2019 – *Ровнова О.Г.* Русские диалекты за пределами России: ситуация в Южной Америке // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 18. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2019. С. 219–226.
- Расков 2014 – *Расков Д.Е.* «Избирательное сродство» экономики и религии: трактовка М. Вебера // Христианское чтение. 2014. № 1. С. 115–133.
- Родин 2018 – *Родин Михаил, иерей.* О древлеправославном мировоззрении сквозь призму иностранной миссии РПСЦ // Всемирный старообрядческий форум: Материалы межд. конф., Москва, 1–2 октября 2018 г. М.: КПЦ им. прот. Аввакума, 2018. С. 189–193.
- Синелина 2012 – *Синелина Ю.Ю.* Насколько православны наши православные // Журнал Московской Патриархии. 2012. № 8. С. 78–81.
- Смирнов 2020 – *Смирнов М.Ю.* Новые формы религиозной жизни общества // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2020. № 1. С. 177–184.
- Товбин 2014 – *Товбин К.М.* Современное старообрядчество: между деконструктивизмом и традиционализмом // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 4. С. 52–59.
- Товбин, Аторин, Кожурин 2018 – *Товбин К.М., Аторин Р.Ю., Кожурин К.Я.* Православное старообрядчество как вариант старообрядческой цивилизации: методология исследований // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 9–31.



- Шиманская 2019 – Шиманская О.К. Современное старообрядчество в России: от изоляции к социальному служению // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в научной, музейной и библиотечной работе: Труды III Межд. науч. конф. / Сост. Н.В. Литвина, Ю.С. Белянкин, М., 2019. С. 715–731. (Мир старообрядчества, вып. 9)
- Berger 1999 – Berger P. The desecularization of the world. A global overview // The desecularization of the world. Resurgent religious and world politics / Ed. by P. Berger. Ethic and Public Policy Center Washington, D.C. Washington., 1999. P. 1–18.
- Lüdke 2016 – Lüdke E. Die Sprache der Versammlungsprotokolle und- beschlüsse der Altgläubigen (am Beispiel des Begriffs sobor). Leipzig: BiblionMedia, 2016. 342 p.

## References

---

- Anastasova, A. (2007) “Old Believers in Romania and globalization”, *Slavyanovedenie*, no. 1, pp. 41–53.
- Argudyaeva, Yu.V. (2018), “Old Believers of Primor’ye. Emigration to China and South America and re-migration to Primor’ye”, in *Vsemirnyj staroobryadcheskij forum. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 1–2 oktyabrya 2018 g.* [World Old Believers’ Forum. Proceedings of the International Conference, Moscow, October 1–2, 2018] KPC im. prot. Avvakuma, Moscow, Russia, pp.8–12.
- Berger, P. (1999), “The desecularization of the world. A global overview” in Berger, P. (ed.), *The desecularization of the world. Resurgent religious and world politics*, Ethic and Public Policy Center Washington, D.C. Washington, USA, pp. 1–18.
- Danilko, E.S. (2000), “Old Believers in the Southern Ural. Current state and prospects for development”, in Osipov, V.I. and Sokolova, E.I. (eds.), *Staroobryadchestvo: istoriya, kul’tura, sovremennost’. Materialy nauchnoj konferencii* [Old Believers. History, culture, modernity. Proceedings of the scientific conference], Moscow, Russia, pp. 259–265.
- Dushakova, N.S. (2020), “How religion becomes more visible in the public space. Communities of Old Believers in social networks”, *Gosudarstvo, religiya, cerkov’ v Rossii i za rubezhom*, vol. 2, no. 38, pp. 184–206.
- Ermolin, D.S. (2020), “Old Believers online. Bridges, borders, and information flows”, *Kunstkamera*, vol. 9, no. 3, pp. 130–140.
- Glinchikova, A.G., Sineokaya, Yu.V. and Stepanyanc, M.T. (2017), “Archaization. Turning back or mobilizing for the future”, *Filosofskii zhurnal*, vol.10, no. 3, pp. 133–152.
- Glinchikova, A.G. (2008), *Raskol ili sryv “russkoj Reformacii”?* [Schism or Disruption of the “Russian Reformation”], Moscow, Russia.
- Guryanova, N.S. (2019), “About some results and prospects in the study of the Old Believers”, *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 183, no. 6, pp. 58–63.

- Kasatkina, A.M. (2004), "Modern Old Believers in St.-Petersburg", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, no. 1–2, pp. 45–47.
- Kochergina, M.V. (2017), "Old Believers' communities in the border territories of Russia, Ukraine and Belarus: History and Modernity", *Uchyonye zapiski Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 42, no. 2, pp. 14–20, available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_29821326\\_93405129.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_29821326_93405129.pdf) (Accessed 24 Dec. 2020).
- Kulichkova, E.A. (2010), "The variability of the traditions of the modern Old Believers of the city of the Ural", in *Zyryanovskie chteniya. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Zyryanov readings. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference], KGU, Kurgan, Russia, pp. 118–119.
- Lüdke, E. (2016), *Die Sprache der Versammlungsprotokolle und- beschlüsse der Altgläubigen (am Beispiel des Begriffs sobor)*, BiblionMedia, Leipzig, Germany.
- Lyubimov, I.M. (1996), "Modern Old Believers (vertical and horizontal move)", in *Staroobryadchestvo. Istoriya, kul'tura sovremennost'* [Old Believers. History, culture, modernity], Moscow, Russia, pp. 2–6.
- Prigarin, A.A. (2018), "Old Believers and globalization. Variability of interaction models", in *Vsemirnyi staroobryadcheskii forum. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 1–2 oktyabrya 2018 g.* [World Old Believers' Forum. Proceedings of the International Conference, Moscow, October 1–2, 2018], KPC im. prot. Avvakuma, Moscow, Russia, pp. 131–135.
- Rovnova, O.G. (2019), "Russian dialects outside of Russia. The situation in South America", in *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*, vyp. 18" [Old Believers. History, culture, modernity], vol. 18, Muzej istorii i kul'tury staroobryadchestva, Moscow, Russia, pp. 219–226.
- Raskov, D.E. (2014), "The 'Selective Kinship' of economics and religion. An interpretation by M. Weber", *Hristianskoe chtenie*, no. 1, pp. 115–133.
- Rodin, Mihail, priest (2018), "About the Old Orthodox worldview through the prism of the foreign Mission of the Russian Orthodox Old Believer Church", in *Vsemirnyi staroobryadcheskii forum. Materialy mezhdunarodnoi konferencii*, Moskva, 1–2 oktyabrya 2018 g. [World Old Believers' Forum. Proceedings of the International Conference, Moscow, October 1–2, 2018], KPC im. prot. Avvakuma, Moscow, Russia, pp. 189–193.
- Shimanskaya, O.K. (2019), "Modern Old Believers in Russia. From isolation to social service", in Litvina, N.V. and Belyankin, Y.S. (comp.), *Yazyk, kniga i tradicionnaya kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya v nauchnoj, muzejnoj i bibliotechnoj rabote: Trudy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Language, book and traditional culture of the Late Russian Middle Ages in scientific, museum and library work. Proceedings of the III International Scientific Conference], Moscow, Russia, pp. 715–731. (Mir staroobryadchestva, vol. 9)
- Sinelina, Yu.Yu. (2012), "How Orthodox are our Orthodox people", *Zhurnal Moskovskoj Patriarii*, no. 8, pp. 78–81.
- Smirnov, M.Yu. (2020), "New forms of religious life of the society", *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, no. 1, pp. 177–184.

- Tovbin, K.M. (2014), "Modern Old Believers. Between deconstructivism and traditionalism", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i social'nye nauki*, no. 4, pp. 52–59.
- Tovbin, K.M., Atorin, R.Yu. and Kozhurin, K.Yu. (2018), "Orthodox Old Believers as a variant of the Old Believers' Civilization. Research methodology", *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 49, pp. 9–31.

### *Информация об авторе*

Ольга К. Шиманская, кандидат философских наук, Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия; Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3; shimansk@mail.ru

### *Information about the author*

Olga K. Shimanskaya, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Europe of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 11, Mokhovaya St., 125009, Moscow, Russia; shimansk@mail.ru